

ПУБЛИКАЦИИ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «IV ЮСТИНИАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

«НЕ ДО СМЕРТИ УБИВАТЬ»: О ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЯХ В ЦЕРКВИ (ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ 7 РЕКОМЕНДАЦИИ КАНОНИЧЕСКИХ ОТВЕТОВ МИТРОПОЛИТА ИОАННА II)

Павел Иванович Гайденко

доктор исторических наук
профессор кафедры истории Московского государственного
технического университета им. Н. Э. Баумана
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Московского государственного лингвистического университета
председатель редакционного совета журнала «Палеороссия»
действительный член Общества изучения церковного права
им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии.
105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1.
prof.gaydenko@rambler.ru

Для цитирования: *Гайденко П. И.* «Не до смерти убивать»: о телесных наказаниях в церкви (опыт комментария 7 рекомендации Канонических ответов митрополита Иоанна II) // *Праксис*. 2023. № 4 (13). С. 64–75. DOI: 10.31802/PRAxis.2023.13.4.005

Аннотация

7 правило Канонических ответов митрополита Иоанна II — одно из самых неоднозначных. Направленное против колдовства и знахарства, оно допускало использование в отношении виновных жестоких наказаний, включая нанесение увечий. Объясняя право

УДК 348.05

церкви на применение столь суровых взысканий, правило делало отсылку к церковным нормам, которые, действительно предполагали такую суровость. Однако сопоставление древнерусского текста с греческим вариантом демонстрирует, что сделанный древнерусским книжником перевод не только неверно излагает некоторые положения, высказанные митрополитом, но и предлагает диаметрально противоположный смысл, искажая изложенное митрополитом. В исходном варианте русский первоиерарх исходил из принципов христианского милосердия и запрещал (в греческом варианте) в отношении согрешивших телесные наказания, как чуждые церковному духу.

Ключевые слова: Канонические ответы митрополита Иоанна, каноническое право, история Русской церкви, киевский митрополит Иоанн II, церковные наказания.

«Not to Kill to Death»: On Corporal Punishment in the Church (Experience of Metropolitan John II's Commentary on Recommendation 7 of the Canonical Answers)

Pavel I. Gaidenko

Doctor of Historical Sciences

Professor of the Department of History at the Bauman Moscow State Technical University

Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies
at the Moscow State Linguistic University

Chairman of the Editorial Board of the Journal *Paleorossia*

Full Member of the T. V. Barsov Society for the Study of Church Law

at the St. Petersburg Theological Academy

5/1, 2nd Baumanskaya Street, Moscow 105005, Russia

prof.gaydenko@rambler.ru

For citation: Gaidenko Pavel I. "«Not to Kill to Death»: On Corporal Punishment in the Church (Experience of Metropolitan John II's Commentary on Recommendation 7 of the Canonical Answers)". *Praxis*, № 2 (11), 2023, pp. 64–75 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2023.13.4.005

Abstract. Rule 7 of the Canonical Answers of Metropolitan John II is one of the most ambiguous. Directed against witchcraft and sorcery, it allowed the use of cruel punishments, including mutilation, against the guilty. Explaining the right of the church to apply such severe penalties, the rule made reference to the church norms, which indeed presupposed such severity. However, a comparison of the Old Russian text with the Greek version demonstrates that the translation made by the Old Russian scribe not only incorrectly states some of the provisions expressed by the metropolitan, but also offers a diametrically opposite meaning, distorting what was stated by the metropolitan. In the original version, the Russian hierarch proceeded from the principles of Christian mercy and forbade (in the Greek version) corporal punishment of sinners as alien to the Church spirit.

Keywords: Metropolitan John's canonical answers, canon law, history of the Russian Church, Metropolitan John II of Kiev, ecclesiastical punishments.

7 правило Канонических ответов митрополита Иоанна II — одно из самых интересных и при этом малоизученных:

«Иже волхования и чародеяния творяще, аще мужу и жене, словесы и наказанием показать и обратить от злых; якоже от зла не преложатся, на возбранение злу, но не до смерти убивать, ни обрезать сих телес: не бо приимает [сего] церковное наказание и учение»¹.

Данная норма подтверждается опубликованным проф. В. С. Павловым отрывком греческого варианта рассматриваемых канонических ответов русского первоиерарха:

«Τοὺς γε μὴν ἐλαοιδαῖς καὶ μαγείαις ἐσχολάκοτας, εἴτε ἄνδρες εἰσὶν εἴτε γυναῖκες, λόγοις καὶ νουθεσίαις τὰ πρῶτα ἐπιστρέφειν καὶ ἀποκόπτειν τῶν κακῶν ἔργων χρεῶν ἀμεταθέτους δὲ μένοντας αὐστηροτέρως κολάζειν εἰς ἀποτροπὴν τοῦ κακοῦ μὴ μέντοι θανατοῦν, ἢ ἀκρωτηριάζειν τὰ τούτων σώματα οὐ γὰρ ἀνέχεται τοῦτο ἐκκλησιαστικὴ παιδεία καὶ νουθεσία»².

При этом русский историк канонического права предложил свой перевод древнерусской канонической нормы:

«Занимающихся чародейством и волшебством, будут ли то мужчины или женщины, сначала отвращать от злых дел словами и наставлениями; если же пребудут неизменными, то в отвращение зла наказывать их с большею строгостью, но не убивать до смерти и не уродовать их тел, ибо этого не допускает церковная дисциплина»³.

Вместе с тем, предложенный ученым перевод древнерусской нормы в её славянском варианте видится несколько сглаживающим и смягчающим вводившуюся норму.

Например, выражение «яро казнить» А. С. Павлов перевёл как «наказать их с большею строгостью». Между тем, «яро» всё же говорит не просто о «большей строгости», а о неумолимой и грозной «суровости». Аналогична ситуация и в отношении формулировки «ни обрезать сих телес». Очевидно, что речь идёт не просто о нанесении увечий и «уродовании» тела виновного, что в принципе, верно, а о куда более страшном. В предложенном историком церковного права варианте перевода не отражается драматизм и предельная жестокость

1 Отрывки греческого текста канонических ответов русского митрополита Иоанна II // Памятники древнерусского канонического права / публ. и примеч. проф. А. С. Павлова. СПб., 1873. С. 9.

2 Там же.

3 Там же.

применяемой меры, а именно об отрезании частей тела. При всей своей верности предложенный проф. А. С. Павловым перевод существенно смягчает строгость и крайнюю категоричность применявшейся в отношении виновных формы экзекуции⁴. Именно поэтому славянский вариант может быть переведён и понят следующим образом:

«Если кто занимается волхованием или чародейством, хоть то муж или жена, словами и поучениями, указать [истину, или греховность] и отвратить от зла, если же от зла не отступят, сурово наказывать [казнить] ради запрещения зла [чтобы препятствовать злу], но не до смерти убивать [истязать], не отрезать частей тела: ибо не приемлет [не допускает, не одобряет] [это] церковное вразумление [церковные правила] и учение [церковное, христианское учение]».

Всё в этом правиле, изложенном русским переводчиком, вызывает вопросы и нуждается в пояснении. По чьей воле выносятся решение, кто пытается и совершает экзекуцию? Кто выносит таковой приговор: епископ или кто-то иной? Чем отличается «волхование» от «чародейства»? Кого следует понимать под «мужем» и «женой»: мужчин и женщин, лиц, находящихся в браке, представителей знати или всех сразу? Что является источником данной нормы? Наконец, применялась ли данная норма на Руси и, если — да, то каким образом?

Между тем, применение крайне жестоких мер, о которых говорит правило в древнерусском переводе, в целом находило оправдание в византийских правовых и канонических нормах. Такие уподобляли волшебников и знахарей вольным убийцам и предполагали, что повинный в подобном даже в случае раскаяния был обязан нести такое

4 Скорее всего, такой вариант перевода отражал культуру перевода церковных текстов революционной России. Анализируя качество переводческой деятельности в области перевода богослужебных текстов, современный исследователь В. К. Котт резонно обратил внимание, что, во-первых, переводы находились под пристальным надзором епископата и специальных комиссий, существенно осложнявших работу переводчика, а, во-вторых, переводы осуществлялись не столько в научных, сколько в «духовно-просветительских целях» (Котт В. К. История переводов православных богослужебных текстов на русский язык в XVIII–XX вв. духовно-просветительский аспект // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2007. № 1. С. 22–29). По сути, научный перевод подменялся качественным переводом, преследовавшим на исследовательские, а прагматические цели церковного богослужения. При том, что упомянутые особенности учёным были отмечены применительно к переводческой деятельности при работе с богослужебными текстами, представляется, что указанные замечания, скорее всего, окажутся верными и в отношении иных сфер, в том числе области перевода канонических норм.

же наказание, как и убийца⁵. Однако всё это при определённых условиях вступало в противоречие с церковным духом прощения. И данное обстоятельство очень хорошо просматривается в той категоричности, с какой митрополит запрещает подвергать виновного членовредительной экзекуции.

Впрочем, всё вышесказанное сталкивается с ещё одним вопросом: насколько древнерусский перевод соответствует греческому образцу, если допустить, что таковой наиболее точно или аутентично отражает мысли русского первосвятителя? И здесь необходимо отметить, что отчасти перечисленные вопросы находят своё основание в греческом тексте, который также различает, например, колдовство («ἐλαοιδαΐς»), понятой переводчиком как «волхование» и волшебство («μαγείαις»), осмысленное как «чародейство». Однако больше вопросов возникает в отношении завершающей фразы: «οὐ γὰρ ἀνέχεται τοῦτο ἐκκλησιαστικὴ παιδεία καὶ νουθεσεΐα», которую можно перевести как «Да не допускается потому, что [противно] церковной культуре и наставлениям (увещаниям, предостерегают)». Таким образом, в греческом варианте суровость вводившейся митрополитом нормы смягчалась недопустимостью («Да не допускается!») применения в отношении виновного чрезмерной экзекуции и тем более членовредительных истязаний.

В отличие от митрополита Иоанна II, древнерусский переводчик, вероятно, сам черноризец Иаков, оказался более прямолинейным. Не вдаваясь в нюансы многочисленных смыслов архиерейского предписания, он смотрел на правила с прагматической лапидарной простотой.

5 Об этом недвусмысленно говорят 8, 65 и 72 правила Василия Великого. Так, 8 правило объясняет, что опьянение смесями не только ради извержения зачатого плода, но и с целью любовного соблазна уподобляют изготовителя зелья и того, кто его применил к убийцам: «Καὶ μέντοι, κἂν δι' ἄλλην τινὰ αἰτίαν περίεργόν τις φάρμακον ἐγκεράσῃ, ἀνέλη δέ, ἐκούσιον τιθέμεθα τὸ τοιοῦτον, οἷα ποιοῦσιν αἱ γυναῖκες πολλάκις, ἐπαοιδαῖς τισι καὶ καταδέσμοις πρὸς τὸ ἐαυτῶν φίλτρον ἐπάγεσθαί τινας πειρώμενα καὶ προσδιδοῦσαι αὐτοῖς φάρμακα, σκότωσιν ἐμποιοῦντα ταῖς διανοαῖς. Αἱ τοιαῦτα τοῖνυν ἀνελοῦσαι, εἰ καὶ ἄλλο προελόμεναι, ἄλλο ἐποίησαν, ὅμως διὰ τὸ περίεργον καὶ ἀπηγορευμένον τῆς ἐπιτηδεύσεως, ἐν τοῖς ἐκούσιως φονεύουσι καταλογίζονται. Καὶ αἱ τοῖνυν τὰ ἀμβλωθρίδια διδοῦσαι φάρμακα, φονεύτριαί εἰσι καὶ αὐταί, καὶ αἱ δεχόμεναι τὰ ἐμβρυοκτόνα δηλητήρια». Не менее наглядно 65 правило, устанавливающее, что даже покаявшийся в волшебстве подлежит покаянию, положенному для убийцы: «Ὁ γοητεῖαν ἢ φαρμακείαν ἐξαγορευῶν τὸν τοῦ φονέως χρόνον ἐξομολογήσεται, οὕτως οἰκονομουμένος, ὡς ὁ ἐν ἐκείνῳ τῷ ἁμαρτήματι ἐαυτὸν ἐλέγξας». А 72 правило закрепляет данную норму: «Ὁ μάντεσιν ἐαυτὸν ἐπιδοῦς ἢ τισι τοιοῦτοις, τὸν χρόνον τῶν φονέων καὶ ἐπιτηθήσεται» (Правила святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец с толкованиями. Вып. 1: Правила святых апостол с толкованиями. М., 1876. С. 376–377, 525–526, 540).

Именно поэтому из всех возможных вариантов перевода «ἐκκλησιαστικὴ παιδεία» он выбрал самый простой, не приняв во внимание то обстоятельство, что митрополит Иоанн говорил о приводимой им церковной норме с позиции византийского архипастыря-интеллектуала, для которого «ἐκκλησιαστικὴ παιδεία» была значительно большим, чем каноническо-правовое предписание в церконо-юридическом смысле. «ἐκκλησιαστικὴ παιδεία» — это «церковная культура», «церковное воспитание», «церковный дух», «система церковных ценностей». В итоге, предложенный древнерусским переводчиком вариант если и не вступал в полное противоречие с тем, о чем писал митрополит, то несомненно упрощал высказанное русским первосвятителем.

В результате приходится констатировать парадоксальное. Греческий (по А. С. Павлову) и древнерусский варианты правила настолько разнятся, что не только не совпадают, но и отчасти противоречат друг-другу. Перевод греческого варианта показателен:

«Тех же, кто действительно занимается заклинаниями и колдовством, мужчины ли это, женщины ли, нужно в первую очередь речами и наставлениями обращать и отсекают от злых дел. Остающихся же неизменными надо суровее наказывать для отвращения от зла, однако не предавать смерти и не изувечивать их тела: ведь этого не допускает церковное воспитание и наставление»⁶.

Очевидно лишь то, что рассматриваемое правило было направлено против христиан, занимавшихся колдовством, ведовством и изготовлением напитков. Применявшиеся в таких случаях зелья, по мнению русского первосвященника, приводили к помрачению у человека сознания, были губительны для души и тела, а поэтому виновный в таких злодеяниях должен был подвергаться экзекуциям как убийца. Судя по тому, что ответственность за изготовление зелья, ведовство и еретичество присутствовала в Уставе князя Владимира Святославича, и все три прегрешения были отмечены в одной статье, можно заключить, что все перечисленные явления не только имели место в жизни Киева, но и воспринимались как взаимообусловленные⁷.

Что же касается мер наказания виновных в описанных злодеяниях, то таковые, суля по всему, рассматривались первосвятителем

6 Считаю своим долгом выразить искреннюю признательность Е. И. Аюповой за качественный литературный перевод греческого оригинала.

7 Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных [Оленинская редакция. Архангельский извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. акад. Л. В. Черепнин; изд. подгот. Я. Н. Шапов; АН СССР. Институт истории СССР. М., 1976. С. 15.

в соответствии с нормами Византии. Так, например, в соответствии с 36, 42, 43 и 44 статьёй XVII Титула Эклоги виновные колдовстве и употреблении вредных снадобий могли быть подвергнуты различным наказаниям от изгнания, до сечения плетьюми и усечения мечом⁸. Влияние Эклоги на древнерусское право в целом хорошо изучено. Однако в рассматриваемой норме привлекает внимание возможность причинения виновным суровых увечий, отсечений частей тела.

Примечательно, что на Руси (в её домонгольский период) практика нанесения виновному увечий хотя и не приобрела характера безусловной нормы, но была хорошо известна и востребована. Правда, в то время, когда в княжеском окружении её применение, отмеченное в отношении представителей знати и дружины, воспринималась как нечто недопустимое и противное христианским ценностям⁹, в церковной среде отношение к подобным жестоким расправам оказалось более одобрительным. Такое поощрение жестокости вполне соотносилось с тем, как относились к нанесению увечий в Византии. В империи ромеев введение членовредительных наказаний рассматривалось как проявление христианского гуманизма «в духе большего человеколюбия»¹⁰.

- 8 «36. Если жена вступила в связь и забеременела и принимает меры против своей беременности, чтобы вытравить плод, да будет она высечена и изгнана.

<...>

42. Уличенный, будь то свободный или раб, в том, что он дал под каким-либо предлогом питье кому-либо, будь то жена мужу, или муж жене, или слуги хозяину, и затем по этой причине на выпившего напала болезнь и он ослабел и умер, подлежит казни мечом.

43. Колдуны и знахари, которые к вреду людей общаются с демонами, подлежат казни мечом.

44. Изготовители амулетов, как полагают, для помощи людям, в действительности же из собственного корыстолюбия, присуждаются к конфискации имущества и изгнанию». Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / вступ. статья, пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 71–72; «К покаянию и исправлению»: суды над архиереями в истории и современности Русской Церкви: монография / А. В. Ведяев, П. И. Гайденко, Ю. В. Оспенников, И. А. Устинова; Санкт-Петербургская духовная академия, Барсовское общество. СПб., 2023. С. 62–64.

- 9 Например, массовое ослепление дружинников в период русско-византийской войны воспринималось монахом-летописцем, как нечто ужасное (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 154). Ещё более показательна реакция князя Владимира Всеволодовича Мономаха на ослепление Василька Теревольского: «Володимеръ же слышавъ æко æтъ бы^с Василко и слѣплень оужасеж . и всплакавъ и ре^с сего не бывало е^с в Русьскѣи земли . ни при дѣдѣ^х наши^х . ни при шѣихъ наши^х сажого зла .» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 262).
- 10 Отмеченная особенность византийской правовоприменительной практики лучше всего была проанализирована Г. А. Острогорским и М. В. Бибиковы: *Ostrogorsky G. Geschichte*

Церковные наказания нередко действительно оказывались более суровыми, чем, чем приговоры, выносившиеся государством. Аналогичной видится ситуация и на Руси. Так, например, новгородский епископ Лука Жидята приговорил своего обидчика Дудика к «урезанию» носа и «усечению» обеих рук¹¹. Весьма показательно, что суд над оклеветавшими архиерея слугами был совершён не патриаршим судом, оправдавшим новгородского святителя, или митрополитом, что было бы естественно, а самим епископом Лукой, получившим, вероятно, в качестве своего рода сатисфакции право лично наказать своих недоброжелателей, чей оговор стоил архиерейской чести, свободы и кафедры. Не менее показательны уже упомянутые суды епископа Феодорца, немилосердно предававшего своих недругов различным экзекуциям, не смотря на социальный статус и церковный сан обвиняемых¹².

По воле митрополита Константина жестокая судебная расправа была учинена над низложенным епископом Феодором (Феодорцом)¹³. По воле русского первосвятителя ростовский архиерей понёс наказание, какое несли клеветники¹⁴ и виновные в вынесении несправедливых приговоров¹⁵. Причём в последнем случае, не смотря на избыточность понесённых

des byzantinischen Staates. München, 1975. S. 122–123; Бибииков М. В. Система наказаний в Византии и в славянских заимствованиях // *Ius antiquum*. Древнее право. 2006. № 18. С. 110–120.

11 ПСРЛ. Т. 3. С. 183; Т. 4. Ч. 1. С. 118.

12 «Много бо пострадаша члѣвци ѿ него . въ держаньи юго . и сель избебывши и вружьае . и конь . друзии же и роботы добыша . заточеньае же и грабленьае . не токмо простьце^м но и мнихо^м . игумено^м и ерѣьемъ . безъмлтѣвь съи мучитель . другимъ члѣкомъ головы порѣзываетъ и бороды . иным же вчи възжигаетъ . и аязыкъ оурѣзаетъ . а инымъ распинаетъ по стѣнь . и муча немлѣтвнѣ . хотя исхитити ѿ всѣхъ имѣнь . имѣньае бо бѣ не сътъ акы адъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355–356).

13 «митрополитъ же Костантинъ повелѣ юму аязыкъ оурѣзати . аю злодѣю и еретику . и руку правую оутати . и вчи ему вынати .» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356).

14 Данная норма зафиксирована в Эклоге: «Клеветники подлежат тому же наказанию, какое надлежит за то, в чем они ложно обвинили». Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / вступ. статья, пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 73.

15 Отмеченный принцип отмечен не только в постановлении суда над Феодорцом: «сбѣисѣа слово еуальское на немъ глѣшее . еюже мѣрою мѣри[те] възмѣрится вамъ . и имже судомъ судите судитѣса вамъ . судъ бо безъ млсти не створшему млсти», – но и находит поддержку в 4 правиле VII Вселенского Собора. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356; Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: в 2 т Т. 1. СПб, 1911. М., 1994. 1994. С. 605–607; «К покаянию и исправлению»: суды над архиереями в истории и современности Русской Церкви: монография / А. В. Ведяев, П. И. Гайденоко, Ю. В. Оспенников, И. А. Устинова; Санкт-Петербургская духовная академия, Барсовское общество. СПб., 2023. С. 62–64.

архиереем страданий, на что обоснованно обратили внимание А. Ю. Виноградов и М. С. Желтов¹⁶, муки архипастыря вызвали в монашеской и церковной среде (по меньшей мере в значительной её части) искреннее одобрение, сопоставимое с радостью. Тем не менее такая отмеченная реакция автора летописной записи наверняка отражала умонастроения части элит и духовенства, хотя и существенно разнилась с тем, как оценивал нанесение подобных увечий Владимир Мономах, и первые поколения книжников. Вероятно, радость о страшной и мучительной смерти владимирского архиерея объяснялась жестокостью Феодорца, деятельность которого была отмечена немислимыми для современников злодеяниями.

Наконец, история суда над Авраамием Смоленским наглядно рисует крайне неприглядную картину того, как участники епископского суда из числа игуменов требовали жестокой физической расправы над Авраамием: «инии глаголють заточити, а инии къ стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозе градъ»¹⁷. И только категорический отказ князя и бояр поддержать вынесенное духовенством решение не позволил предать Авраамия смерти¹⁸. Лишь столкнувшись с категорическим княжеским отказом одобрить мнение духовных лиц, епископ Игнатий был вынужден ограничиться «малым»: «крѣпко стрѣши и и блюсти и и ина два отъ ученикъ его, иже преподобному служаща добрѣ», отправив Авраамия в обитель, где тот принял ранее постриг¹⁹.

Впрочем, при обращении к тому, как рассматриваемая норма митрополита Иоанна представлена не в древнерусском, а в греческом варианте, обнаруживается, что архипастырь был категорическим противником экзекуций, призывал воздействовать на виновных в колдовстве исключительно словами и убеждениями. Строгое же взыскание предполагалось

16 Виноградов А. Ю., Желтов М. С. Жизнь и смерть Феодорца Владимирского: право или расправа? // Электронный научно-образовательный журнал История. 2019. Т. 10. № 10 (84). С. 20.

17 Житие Авраамия Смоленского Житие Авраамия Смоленского / подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. 1997. Т. 5: XIII века. С. 42.

18 «<...> князю же и велможамъ не обрѣтающимъ такыя вины, но изискавше все, нѣсть неправды никоея же, но все лжуть, тогда яко единѣи усты: «Неповинны да будемъ, владыко, — рекуще къ всѣмъ, — еже таку на нь крамолу въздвигнули есте, и неповинни есмы, иже на нь глаголетѣ или что съвѣщаете како любо незаконно убийство!» И глаголюще: «Благослови, отче, и прости, Авраамие!» — и тако отъидоша въ свояси» (Там же. С. 44). Несомненно, данный отрывок жития Авраамия Смоленского воспроизводит обстоятельства суда над Христом. Тем не менее, данное обстоятельство не исключает того, что текст мог передатъ и основную канву событий суда, совершённого над Авраамием.

19 Там же. С. 44, 46.

лишь в отношении лиц, укоренившихся во зле, но и в этом случае святитель запрещал таковых мучить и категорично требовал «не предавать <виновных — П. Г.> смерти и не изувечивать их тела», ибо это противно церковным идеалам. Удивительно, но византийский архиерей, известный своей ревностью и усилиями по насаждению византийских норм и обычаев, призывал к гуманному и человеколюбивому отношению к тем, кто занимался колдовством и заговорами. Что же касается древнерусского перевода, то таковой не только упрощал вводившуюся норму, но и искажал её до противоположного: допуская истязание виновных и находя этому оправдание в церковных правилах, связывая это с именем человеколюбивого митрополита.

Что же касается волхвов и чародеев, то в домонгольской Руси таковые чаще всего оказывались мужчинами. Летописные сообщения о волхвах под 1024 и 1071 гг.²⁰, антиязыческие полемические сочинения²¹, придававшие местному язычеству черты античности, и некоторые канонические нормы, направленные на борьбу с культами Рода и Рожаницы²², наглядно демонстрируют распространённость подобных практик. В большинстве случаев цели обращение к колдунам и знахарям объяснялись стремлением привлечь сексуальное внимание, прервать беременность²³, призвать плодородие или нанести другому ущерб.

20 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147, 175–181.

21 О полемических антиязыческих произведениях см. подробнее работу Е. В. Аничкова: *Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь*. СПб., 1914.

22 См. подробнее исследования Н. М. Гальковского, В. В. Милькова и др.: *Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси*. Харьков, 1916. Т. 1. С. 153–191; *Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты*. Вып. VII. М., 2011. С. 227–260; *Лушников А. А. Антиязыческие произведения XI–XIII веков как разновидность дидактической литературы в Древней Руси // Вестник Брянского государственного университета*. 2016. № 4 (30). С. 64–70.

23 Известная в Византии проблема самостоятельного прерывания женщинами плодonoшения отмечена и в «Вопрошании» среди вопросов, заданных священником Ильёй. Один из вопросов новгородского канонического сборника упоминает о зелье, хотя и не оговаривает наказание за его употребление: «А сего прашах: аже жены делаюче что любо страду, и вережаютя и изментают? — Он же рече ми: аже не зельем вережают, нету за то епитимии». (Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц /// Памятники древнерусского канонического права / ред. А. С. Павлов. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 58.) Фактически в ответе рассмотрен случай случайного, непредумышленного извержения плода. Однако при этом оговорена возможность повреждения или убийство плода из-за побоев. Так, 16 вопрос Ильи предельно прямо предписывает: «Аже человек риняся пьян на жену свою,

Все перечисленные случаи рассматривались как покушение на чужую жизнь, а поэтому предполагали различные меры наказания виновных.

Таким образом, существующая в древнерусском варианте Канонических ответов митрополита Иоанна II норма о наказании за занятие колдовством и волхованием, предписывающая применять в отношении виновных жестокие истязания, предполагающие нанесение увечий, не только не соответствует высказанному архиереем наставлению, но и совершенно противоречит таковому. В своём ответе киевский первосвятитель, напротив, выступал за недопущение подобной жестокости, находя её противной церковным представлениям.

Источники

- Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права / ред. А. С. Павлов. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. Стб. 21–62.
- Житие Авраамия Смоленского / подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. 1997. Т. 5: XIII века. С. 30–65.
- Канонические ответы митрополита Иоанна II // Памятники древнерусского канонического права / ред. А. С. Павлов. Т. 6. Ч. 1. СПб.: [б. и.], 1908. Стб. 1–20.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1, 3–4. М.: Язык славянской культуры, 1997, 2000–2001.
- Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: в 2 т. Т. 1. М.: Международный изд. центр православной литературы, 1994.
- Правила святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец с толкованиями. Вып. 1: Правила святых апостол с толкованиями. М.: Московское общество любителей духовного просвещения, 1876.
- Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных [Оленинская редакция. Архангельский извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. акад. Л. В. Черепнин; изд. подгот. Я. Н. Щапов; АН СССР. Институт истории СССР. М.: Наука, 1976. С. 13–16.
- Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. статья, пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М.: Наука, 1965.

вередит в ней дитя? — Половину, рече, епитимии». А следующий, 17 ответ, вносит следующее уточнение: «А еже пьян муж попьхнули бяху, запенше ногой, и умрет? — Полдушегубства есть» (Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Указ. соч. Стб. 60.). Наконец, в третьем варианте оговаривает «душегубство» в плену, не вдаваясь в средства, какими умервщлялся плод: «А сего прашах: аже в работе суть душегубцы? — И повеле ми на полы дать, и льжае: не волни бо, рече, суть». Там же. Стб. 58; *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Указ. соч. С. 467.

Литература

- Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914.
- Бибиков М. В.* Система наказаний в Византии и в славянских заимствованиях // *Ius antiquum. Древнее право.* 2006. № 18. С. 110–120.
- Виноградов А. Ю., Желтов М. С.* Жизнь и смерть Феодорца Владимирского: право или расправа? // *Электронный научно-образовательный журнал История.* 2019. Т. 10. № 10 (84). С. 20.
- Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков: Епархиальная типография, 1916.
- «К покаянию и исправлению»: суды над архиереями в истории и современности Русской Церкви: монография / А. В. Ведяев, П. И. Гайдено, Ю. В. Оспенников, И. А. Устинова; Санкт-Петербургская духовная академия, Барсовское общество. СПб.: Изд. СПбДА, 2023.
- Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // *Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты.* Вып. VII. М.: Изд. Кругъ, 2011.
- Котт В. К.* История переводов православных богослужебных текстов на русский язык в XVIII–XX вв. духовно-просветительский аспект // *Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института.* 2007. № 1. С. 22–29.
- Лушников А. А.* Антиязыческие произведения XI–XIII веков как разновидность дидактической литературы в Древней Руси // *Вестник Брянского государственного университета.* 2016. № 4 (30). С. 64–70.
- Отрывки греческого текста канонических ответов русского митрополита Иоанна II // *Памятники древнерусского канонического права / публ. и примеч. проф. А. С. Павлова.* СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1873.
- Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München: Beck Verlag, 1975.